

АНТРОПОЛОГИЯ ГЕНДЕРА

УДК 39+305

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/149-173

© Л.В. Остапенко, И.А. Субботина

РУССКАЯ ПРОВИНЦИАЛЬНАЯ ЖЕНЩИНА СЕГОДНЯ: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ*

В основу статьи положены результаты научного проекта «Население малого русского города в XXI веке», реализованного в 2017–2019 гг. в двух малых городах Центральной России – Белеве (Тулльская обл.) и Старице (Тверская обл.). Материалы этносоциологического опроса русского населения названных городов и опроса экспертов дали возможность проанализировать процессы адаптации женщин современной российской провинции к меняющимся условиям жизни в постсоветский период, показать отдельные стороны их сегодняшней жизни: социально-экономические позиции, жизненные ценности, отношение к браку, рождению детей, миграционные установки, удовлетворенность различными сторонами жизни в городе, социальное самочувствие, жизненные стратегии, отношение к своей малой Родине.

Современные женщины провинциальных городов – это в основной массе социально-активная группа, включенная в общероссийскую жизнь, в экономику и культуру страны. в то же время женщины в значительной мере остаются верны традиционным жизненным ценностям, в центре которых семья, здоровье и благосостояние близких. Многие взгляды и представления провинциалок неоднозначны, отражая противоречивую и сложную ситуацию, как в малых городах, так и в мире целом. С одной стороны, женщины не удовлетворены условиями жизни в своем городе, с другой, большинство их представителей выступают патриотами своей малой Родины, остро переживают за ее будущее. На фоне пониженного материального уровня жизни женщин, их неудовлетворенности своим материальным положением слабее выражены активные жизненные стратегии и протестные настроения. Существует значимая возрастная дифференциация женских представлений и установок: молодежь заметно отличается от своих матерей и бабушек большей активностью и рационализмом, большей мобильностью и инновационными ориентациями, в том числе в сфере семейно-брачных отношений.

Остапенко Любовь Викторовна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр-т, д.32-А). Эл. почта: lost_82@bk.ru

Субботина Ирина Алексеевна – к.и.н., старший научный сотрудник, Институт этнологии и антропологии РАН (119991 Москва, Ленинский пр-т, д.32-А). Эл. почта: irinalsu@yandex.ru

* Публикуется в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН

Ключевые слова: женщины, русская провинция, социально-экономические позиции, жизненные ценности, удовлетворенность жизнью, отношение к браку и детям, миграционные установки, патриотизм

Ссылка при цитировании: Остапенко Л.В., Субботина И.А. Русская провинциальная женщина сегодня: штрихи к портрету // Вестник антропологии, 2021. № 4. С. 149–173.

Нынешнему непростому, нестабильному и беспокойному времени свойственно немало противоречивых черт. С одной стороны, для него характерны активно идущие процессы глобализации, расширение информационного пространства и связей между странами и народами, укрепление идей демократии и толерантности и т.п., с другой, – рост недоверия и отчужденности между людьми, усиление социально-экономического неравенства, сохранение, а нередко и углубление региональной, этнической и социально-демографической дифференциации.

В России за последние годы довольно ярко проявили себя регионально-локальные различия – разрыв, как между отдельными регионами, так и между крупными городами и провинцией, представленной не только сельским населением, но и жителями малых городов, многие из которых до сих пор не смогли вписаться в рамки новой рыночной системы отношений. Малые города отличаются как более низкими социально-экономическими показателями, в том числе уровнем заработной платы, так и острыми проблемами, связанными с медицинским и культурно-бытовым обслуживанием, качеством жилищно-коммунального фонда и благоустройства, развитием коммуникаций и т.д. Между тем, к городским поселениям с числом жителей до 50 тыс. человек (так называемым, малым городам) по данным на 1 января 2020 г. относится 71% всех городов России, в которых проживает почти 16 млн. человек (Российский статистический ежегодник 2020: 101).

В самих малых городах, в свою очередь, существует определенная градация между представителями разных социально-демографических групп, в том числе гендерного характера. Закрепленное в Конституции РФ положение о равноправии мужчин и женщин нередко остается чисто декларативным, далеко не всегда реализуемым в жизни, как в общественной, так и семейной, о чем неоднократно говорили и говорят общественно-политические деятели, СМИ, ученые (см., например, работы: О.А. Ворониной, Е.А. Здравомысловой, Т.Э. Ковалевой, А.А. Каширкиной, Т.М. Клименковой, Р.В. Коннел, А.Н. Морозова, Г.И. Осадчей, Н.Л. Пушкаревой, Г.Г. Силасте, Л.Т. Шинелевой и др.). Женская часть населения провинциальных городов выглядит одним из наиболее уязвимых слоев общества, находящихся «под гнетом» двойного социального неравенства – локально-регионального и гендерного. в то же время именно от женщин российской провинции в немалой мере зависит решение многих демографических проблем страны, в том числе и рост народонаселения. в женских руках находится воспитание детей, передача им лучших черт традиционной культуры русского народа, которая в селах и малых городах сохраняется более прочно.

Несмотря на актуальность темы, посвященных ей научных изысканий остается недостаточно. Как правило, они направлены на изучение ограниченного спектра проблем, рассматриваемого с позиций той или иной науки, без использования комплексного, многостороннего анализа, опирающегося на совокупность методов, приемов и источников.

В настоящей статье используются материалы исследования, проведенного сотрудниками Института этнологии и антропологии РАН в двух малых городах Центральной России – Белеве Тульской области и Старице Тверской в 2018 г., одной из задач которого был анализ проблемы адаптации женщин российской провинции к меняющимся условиям жизни в постсоветский период. Рассматривается ряд вопросов, касающихся социально-экономических позиций женщин этих провинциальных городов, их демографического поведения, жизненных ценностей, удовлетворенности различными сторонами жизни, уровня социального оптимизма, отношения к своей малой Родине.

Методология и методика

Основной целью проекта «Население малого русского города в XXI веке: этнокультурные, демографические, экологические и социально-экономические аспекты развития», реализованного в Институте этнологии и антропологии РАН в 2017-2019 гг. (авторы проекта – Н.И. Григулевич, Н.А. Дубова, Л.В. Остапенко, Д.С. Сабина, И.А. Субботина, А.Н. Ямсков), являлась комплексная этнокультурная, демографическая, социально-экономическая, медико-экологическая и социально-психологическая характеристика малого города Центральной России и его населения. Исследование осуществлялось в двух малых городах – Белеве (Тульская обл.) и Старице (Тверская обл.). Важными критериями выбора городов были: численность населения менее 20 тыс. человек, географическое расположение, удаленность от Москвы и областных центров, этнический состав населения, богатая историческая и культурная традиция.

Одним из основных источников получения информации в исследовании, помимо сбора обширных статистических и архивных материалов, послужило проведение выборочного этносоциологического опроса населения городов. Общий объем выборки составил 600 человек (Григулевич, Дубова, Остапенко, Сабина, Субботина, Ямсков 2018).

Гендерная динамика

В большинстве малых городов Центрального региона России отмечается типичная для этой территории зависимость скорости депопуляции от размера города: чем меньше город, тем быстрее снижается абсолютная численность населения, отмечаются низкие показатели рождаемости, миграционный отток молодежи, существенно деформируется половозрастная структура населения, отмечается понижение удельного веса населения трудоспособного возраста и повышение доли населения старших возрастных групп.

Белев относится к городам с устойчивой убылью населения: за тридцатилетие (1989–2019 гг.) снижение численности населения города составило 31%, т.е. ежегодно Белев теряет свыше 1% своих жителей. в Старице динамика численности населения была не столь однозначной, как в Белеве, но все же общее ее снижение за тридцатилетие составило 18%, т.е. ежегодные потери населения Старицы в среднем были почти в два раза ниже, чем в Белеве, около 0,6% численности горожан. Общие потери населения городов складывались как за счет естественной убыли (превышения числа умерших над числом родившихся), так и за счет миграционного оттока, который в последние годы уже превышал естественную убыль горожан.

Хотелось бы обратить внимание на динамику численности мужчин и женщин в исследуемых городах. Как показывает статистика, соотношение мужчин и женщин в населении в целом за последнее десятилетие практически не изменилось, составив пропорцию 45:55, что соответствует половой структуре городского населения соответствующих областей. Некоторое преобладание в целом складывается в основном за счет жителей старших возрастов, чей удельный вес повышается в населении городов, а соотношение полов в старших возрастных группах складывается не в пользу мужчин (табл. 1). Так, оценочные материалы половозрастной структуры населения Белева и Старицы показали, что в возрастной группе горожан старше трудоспособного возраста доля женщин почти в 3 раза превышает долю мужчин, составляя в Белеве пропорцию 74:26, а в Старице – 73:27. Такая половая структура в старших возрастных группах детерминирована более высокой смертностью мужского населения и большей продолжительностью жизни женщин.

Таблица 1

Соотношение мужчин и женщин в различных возрастных группах населения Белева и Старицы, %

Годы	Белев						Старица					
	Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста		Моложе трудоспособного возраста		Трудоспособного возраста		Старше трудоспособного возраста	
	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен	муж	жен
2011	51,5	48,5	53,0	47,0	25,1	74,9	50,8	49,2	49,9	50,1	27,2	72,8
2012	51,0	49,0	53,1	46,9	25,4	74,6	50,3	49,7	50,3	49,7	27,3	72,7
2013	50,7	49,3	53,0	47,0	25,7	74,3	50,5	49,5	50,5	49,5	26,7	73,3
2014	50,7	49,3	53,2	46,8	25,8	74,2	50,4	49,6	50,7	49,3	27,3	72,7
2015	50,4	49,6	53,0	47,0	26,3	73,7	51,0	49,0	50,8	49,2	27,2	72,8
2016	50,7	49,3	53,2	46,8	26,5	73,5	50,4	49,6	51,0	49,0	27,1	72,9
2017	50,5	49,5	53,5	46,5	26,9	73,1	50,5	49,5	51,3	48,7	27,0	73,0
2018	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	50,8	49,2	51,3	48,7	26,8	73,2
2019	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	н/св	50,1	49,9	51,8	48,2	27,2	72,8
В среднем по периоду	50,8	49,2	53,1	46,9	26,0	74,0	50,5	49,5	50,8	49,2	27,1	72,9

* Таблица составлена по: Государственный комитет...

Но в то же время половая структура населения трудоспособного и моложе трудоспособного возраста показывает некоторое преобладание в городах мужского населения (табл. 1). Такое преобладание мужского населения над женским в молодых возрастах (вплоть до 30 лет) сложилось в целом ряде областей России уже давно, что обусловлено, во-первых, «биологическим запасом» мужчин, которых рождается больше, чем женщин; во-вторых, интенсивными миграциями в Россию в последние десятилетия мужчин-мигрантов из стран ближнего зарубежья. В-третьих, в самой России происходит перераспределение мужского населения между областями: так, например, большинство республик и областей Северо-Кавказского федерального округа, являющихся густонаселенными и трудоизбыточными, теряют мужское население трудоспособного возраста в результате миграции мужчин в другие регионы России, в том числе центральные районы страны.

Снижение доли женщин в возрастной структуре населения изучаемых городов начинается примерно с 14-15 лет. Затем в населении 18-20 лет, вследствие призыва в армию молодых мужчин, удельный вес женщин несколько увеличивается, а в последующих возрастах вновь уменьшается, что свидетельствует о более активном миграционном оттоке из городов девушек после окончания неполной средней и общей средней школы для продолжения образования в колледжах и институтах других городов и областей, а также Москвы и Санкт-Петербурга. в более поздних группах трудоспособного населения миграции женщин из малых городов (особенно ярко это проявляется в Белеве) связаны в основном с отсутствием работы по специальности, брачными и семейными проблемами. Материалы текущего учета миграции за последние годы по исследуемым малым городам подтверждают преобладание женщин в миграционных потоках (Остапенко, Субботина 2019: 31). Все эти особенности современной демографической ситуации в малых городах придают еще большую значимость вопросам демографических и социально-культурных ориентаций и запросов провинциальных женщин, существующих гендерных различий.

Трудовая занятость и материальное положение

Одной из важнейших черт социального облика современных жительниц малых городов можно назвать их высокую ориентацию на труд. Согласно данным нашего исследования в Белеве и Старице, уровень занятости женщин в экономике был не намного ниже, чем у мужчин. Так, среди мужского населения исследованных нами городов работали (включая тех, кто работал и учился, а также работал, выйдя на пенсию) 73%, среди женского – 67%. А относительная численность работающих пенсионеров в составе местных женщин была такой же, как у мужчин: 40%.

Только домашним хозяйством и уходом за детьми было занято всего 5% женщин (среди мужчин таковых не оказалось). Подобная ситуация во многом обусловлена низким уровнем жизни населения провинциальных городов, острой необходимостью женского заработка (Остапенко, Субботина 2019: 84), стремлением женщин к экономической независимости.

Наравне с мужчинами, женщины участвовали и в различных подсобных хозяйственных работах, приносящих доход в семью. Существенным подспорьем для жителей сел и малых городов служила продукция с их земельных участков, а также дары окружающей природы. Большинство населения Белева и Старицы занималось садоводством и огородничеством, разведением скота и птицы, охотой и рыбалкой, сбором

ягод и грибов и т.п. в подобную деятельность было вовлечено 66% женщин и 71% мужчин. Женщины чаще трудились в саду и огороде, мужчины предпочитали работы по уходу за скотом и птицей, по сбору лесных даров, а в особенности охоту и рыбалку.

При этом имела место определенная возрастная дифференциация. Упомянутые хозяйственные обязанности в основном выполнялись мужчинами на пенсии и женщинами старше 30 лет. Участие же местной молодежи в них было менее активным. Если среди мужчин и женщин от 50 лет и старше показатель занятости в них был равен соответственно 77% и 73%, то среди 16-29-летних – 51% и 53%. Девушки даже в саду и огороде трудились в полтора раза реже женщин среднего и пожилого возраста, а сбором ягод и грибов занимались вдвое реже.

В отличие от далекого прошлого в современных семьях молодежь, особенно женскую, старались не перегружать дополнительными домашними нагрузками, предоставляя молодым людям больше возможностей для учебы и отдыха. И, конечно, успешно закончить школу, техникум или вуз, продвинуться по службе, т.е. заложить фундамент будущего благосостояния, было гораздо важнее и престижнее чем работы в саду и огороде, что понимали и сами девушки, и их родители. Иные жизненные приоритеты меняли и структуру трудовой нагрузки женской провинциальной молодежи.

Однако весомые трудовые затраты большинства местных женщин далеко не всегда приносили адекватные плоды. СМИ и научным сообществом уже неоднократно поднимался вопрос о неравенстве женщин в сфере труда, выражающемся, в частности, в особенностях их отраслевого и социально-профессионального состава, в непропорциональном участии в составе руководящих кадров, меньших шансах карьерного роста, менее высоком уровне заработной платы и т.п. Этот феномен особенно четко прослеживался в малых городах.

Так, если обратиться к данным об образовательном составе жителей Белева и Старицы, то можно заметить, что у женщин он в целом был выше, чем у мужчин. Доля людей с высшим и средним специальным образованием среди женщин составляла 82%, а среди мужчин – 68%. Правда мужчины отличались несколько большей численностью тех, кто имеет дипломы вузов: 32% против 28% у женщин. в то же время в составе мужской «половины» населения почти пятая часть не получила среднего образования, среди женщин только 7%.

В то же время должности специалистов и руководителей высшего звена мужчины занимали в полтора раза чаще женщин, а доля рабочих с высшей квалификацией среди них была почти вдвое выше. в немалой мере это было связано с гендерной спецификой отраслевого состава населения, зависящей в том числе и от физиологических особенностей женщин, и от еще сохраняющихся традиционных взглядов на женский труд и его применение. Трудовой рынок в малых городах не отличался разнообразием. Женщины могли устроиться здесь главным образом в учреждения бюджетной сферы (медицина, образование, культура), в организации торговли и обслуживания, или на небольшие предприятия пищевой и легкой промышленности (по производству кондитерских, молочных, швейных изделий и т.п.), с не слишком высоким уровнем технической оснащенности и заработка. Мужчины были преимущественно заняты на местных машиностроительных заводах, переживающих в последние годы основательное техническое переоснащение с сопутствующим ростом потребностей в высококвалифицированных кадрах рабочих, специалистов и руководителей и увеличением зарплаты работников (*Остапенко, Субботина 2019: 65*).

Характер отраслевой и социально-профессиональной занятости и соответственно различия в заработках формировали и гендерные различия в уровне материальной обеспеченности людей. Разница в ответах мужчин и женщин по поводу оценки возможностей их бюджета, оказалась весьма существенной (табл. 2).

Таблица 2

**Оценка жителями Белева и Старицы своих материальных возможностей
(гендерные и возрастные группы), %**

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Имеют возможность ни в чем себе не оказывать	8	19	13	7	6	4
Имеют возможность приобретать многое, но не слишком дорогое	56	48	35	43	42	27
Имеют возможность приобретать предметы первой необходимости	21	25	44	37	35	51
Имеют возможность приобретать только продукты питания	6	3	4	7	7	13
Не имеют возможностей приобретать самое необходимое, в том числе продукты питания	4	3	3	3	4	2
Затруднились ответить	5	2	1	3	6	3

Мужчины в этом отношении занимали явно лучшие позиции, причем наибольшая дифференциация наблюдалась на уровне высших страт. Людей с невысоким уровнем достатка среди мужчин и женщин было примерно одинаково, а вот сравнительно богатые в составе мужской части населения встречались гораздо чаще. Эта разница прослеживалась во всех возрастных группах, хотя в молодежной среде она была несколько менее заметна, что представляется достаточно перспективным. Так, среди 16-29-летних к двум высшим группам по шкале материальных возможностей отнесли себя 64% мужчин и 50% женщин, в следующей возрастной группе эта дистанция увеличивалась (67% против 48%). С повышением возраста и у мужчин, и у женщин доля людей с более или менее высоким уровнем материального достатка существенно падала – до 48% среди мужского населения и 31% у женского при сохранении гендерных различий. Наиболее выигрышные позиции занимали мужчины 30-49 лет, почти пятая часть которых отнесла себя к самому высокому слою по уровню зажиточности (они могли, по их словам, позволить себе любые приобретения). А самыми бедными выглядели женщины от 50 лет и старше, в их составе оказалось не только самая низкая доля высоко обеспеченных, но и сравнительно повышенная численность людей, средств которым хватало только на еду или не доставало даже на питание (15% при 7% у мужчин этой возрастной группы). Проблема бедности старшего поколения была выражена в малых городах весьма отчетливо и наиболее обездоленной частью в материальном отношении выступали именно женщины.

В этом отношении весьма заметно проявилось влияние регионального фактора. При сравнении материального положения москвичей и жителей провинциальных городов был зафиксирован не только в целом менее высокий уровень материальной обеспеченности провинциалов, но и более серьезные гендерные различия. Если, например, среди столичной молодежи оценки своих материальных возможностей у девушек и юношей были примерно одинаковы (*Остапенко, Субботина, Старченко* 2018: 24), то в малых городах, как было показано выше, юноши выглядели заметно более обеспеченными.

Соответственно уровень удовлетворенности материальным положением у женской и мужской части населения малых городов заметно варьировал. Число полностью или скорее удовлетворенных им среди женщин составляло 41% против 54% у представителей сильного пола. Соотношение относительной численности людей в той или иной мере довольных и недовольных своим материальным благосостоянием у женщин выглядело как 41% против 51%, а у мужчин имело противоположное значение – 54% довольных против 44% негативных оценок.

Тем не менее, нельзя сказать, что в настоящее время жительницы малых городов в своем большинстве чрезмерно угнетены своими материальными проблемами. Доля людей, которых полностью не устраивало их материальное положение, составляла среди женщин 14%, практически столько же, сколько среди мужчин – 13%.

Но в целом уровень недовольства своими материальными возможностями у провинциальных женщин был достаточно высок. Однако, несмотря на это, они не проявляли особых протестных настроений, о чем говорят их ответы на вопрос, на какие действия они были бы готовы в случае серьезного снижения жизненного уровня. Никаких решительных и активных мер большинство предпринимать не собиралось. Половина респонденток не смогла высказать на этот счет определенного мнения: часть затруднилась ответить, часть отложила решение этого вопроса «на потом», около 6% ничего делать вообще не хотели, выражая готовность терпеть дальше. Из реальных действий мужчинами были названы: обращение в политические и общественные организации (12%), участие в митингах, демонстрациях, акциях протеста (9%). Женщины в своем большинстве эти меры не поддержали (всего 4 и 6% выборов). 7% опрошенных были ориентированы на переезд. Наибольшая же часть и мужчин, и женщин в случае ухудшения своей жизненной ситуации намеревалась просто умножить свои трудовые усилия, больше работать, брать сверхурочные, искать подработку, расширять приусадебное хозяйство т.п. И женщины в этом отношении не отставали от мужчин – соответственно 26% и 28% выборов. Особую трудовую активность в этом плане проявляли мужчины и женщины в возрасте 30-49 лет (более трети). Но и пожилой, и молодой контингенты не оставались в стороне. Так, среди женщин от 50 лет и старше готовы были в случае наступления материальных невзгод обратиться за помощью в государственные, политические и общественные организации всего 3%, а увеличить свои трудовые нагрузки – более 20%, среди 16-29-летних соответственно 4% и 31%. в этом проявилось полнейшее недоверие женской части провинциального населения к органам власти и различным общественно-политическим структурам, что стало особенно характерным для настоящего времени.

Показательно, что намерения больше трудиться, чтобы обеспечить себя и семью, в молодежной группе чаще оказались свойственны именно женщинам – 31% девушек против 24% юношей. Можно сказать, что традиционный тезис о том, что

мужчина является главным добытчиком и кормильцем в семье, теряет свою актуальность, особенно у молодежи. Процесс адаптации населения провинциальных городов к условиям новой жизни, к системе рыночных отношений ведет к переменам во взглядах людей на характер трудовых функций мужчин и женщин.

Брачные и репродуктивные установки русских провинциалок

в последние полвека, а особенно в последние десятилетия в брачно-семейной сфере у людей разных национальностей нашей страны произошли серьезные изменения. Изменение отношения к браку, брачных и репродуктивных установок населения, в особенности молодежи, зачастую приводит к замене супружеских отношений партнерскими, а многовариантность брачных союзов предоставляет молодым людям большую свободу, так ценимую ими, но в то же время способствует снижению рождаемости.

Каково же в настоящее время отношение русских женщин, жительниц малых городов Центральной России к такому институту как брак? Материалы этносоциологического исследования, проведенного в 2018 г. в малых российских городах Белеве и Старице, показали, как в настоящее время относятся к браку городские жители разных возрастов, русские мужчины и женщины. Так, на вопрос: «Обязательно ли в настоящее время человеку вступать в брак?» более трети опрошенных ответили: «Обязательно». Еще 40% респондентов заявили, что «это желательно». Таким образом, три четверти жителей провинциальных русских городов (76%) с той или иной степенью категоричности признают необходимость брачных отношений. Совершенно необязательным считали вступление в брак лишь 15% респондентов. Установки на обязательность брачных отношений не выявили какой-либо гендерной обусловленности (табл. 3), в то время как возрастная, поколенческая дифференциация установок проявилась очень отчетливо: у респондентов в возрасте 50 лет и старше, в сравнении с молодыми людьми 16-29 лет, в два раза больше тех, кто считает обязательным вступление в брак.

Таблица 3

Отношение к браку населения русской провинции (гендерные группы), %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Да, обязательно	35	37	36
Да, желательно	40	40	40
Нет	14	15	15
Затрудняюсь ответить	11	8	9
Итого	100	100	100

Среди опрошенной молодежи малых городов все же наблюдались некоторые гендерные различия в отношении обязательности брачных отношений. Девушки несколько в большей степени, чем юноши, были ориентированы на необязательность брачных отношений: строго обязательным вступление в брак считали 21% девушек и 25% юношей, необязательность брачных отношений отметили 24% девушек и 19% юношей.

Новизна гендерных отношений проявляется и в их новой организации, т.е. в появлении альтернативных видов брака, в том числе так называемого гражданского, брака без официальной регистрации. Так, на вопрос: «Обязательно ли регистрировать брак или можно жить в гражданском браке, без регистрации»? лишь треть (34%) опрошенных жителей малых городов заявили, что брак нужно обязательно регистрировать. Существенно большая доля опрошенных, не отмечая жесткой обязательности регистрации брака, посчитала эту процедуру желательной: такого мнения придерживается 43% респондентов, т.е. три четверти (77%) жителей русской провинции в той или иной степени жесткости ориентируется на традиционную модель брака (табл. 4).

В установках на обязательность регистрации брака выявилась определенная гендерная обусловленность: можно было отметить несколько большую ориентированность женщин на обязательность и желательность оформления брачных отношений (80% у женщин и 71% у мужчин). Возрастная дифференциация проявилась еще отчетливей: чем старше население, тем весомее установки на обязательность официальной регистрации брака.

Таблица 4

Обязательно ли регистрировать брак (гендерные группы), %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Обязательно	31	35	34
Желательно	40	45	43
Не обязательно	17	14	15
Не нужно регистрировать	2	1	1
Затрудняюсь ответить	10	5	7
Итого	100	100	100

Перейдя от анализа брачных установок русских женщин провинциальных городов к реальной структуре брачных отношений, мы видим (по результатам опроса 2018 г.), что такое явление как незарегистрированный брак встречается нередко (12% по всему массиву опрошенных), при этом наиболее часто подобные браки отмечаются в возрастной группе 30-49 лет (16%). Русские женщины в целом реже, чем мужчины состоят в незарегистрированном браке (соответственно 9 и 15%). При этом среди молодежи 16-29 лет доли незарегистрированных браков у женщин и мужчин совпадают (10%), но с возрастом частота подобных браков увеличивается и у женщин, и у мужчин (до 14 и 18% соответственно в возрасте 30-49 лет), а затем у женщин она резко падает до 5%, а у мужчин остается практически на прежнем уровне.

Отношение к разводам. Внедрение новых, неофициальных видов брака существенно изменило отношение к разводам, которые в настоящее время воспринимаются общественностью более толерантно, чем прежде. 60% опрошенных считают, что семью, безусловно, не следует сохранять, если отношения между супругами не сложились или разладились. Еще четверть опрошенных горожан допускает возмож-

ность развода при определенных условиях: если в семье нет детей вообще или только маленьких детей. Традиционной в прошлом установки на неизбежность семьи и необходимость сохранять ее в любом случае придерживается только 5% респондентов.

Гендерные различия в установках на развод прослеживаются довольно четко. И в Белеве, и в Старице женщины, традиционно хранительницы семьи, домашнего очага, в своих установках оказались более радикальными, чем мужчины: так, среди женщин две трети опрошенных (66%) высказались за безусловную возможность развода, в то время как у мужчин подобной установки придерживается чуть более половины респондентов (53%). Мужская половина опрошенных русских, судя по результатам опроса, более склонна к компромиссам в решении вопроса о разводе. Вот почему среди мужчин довольно велика доля тех, кто считает, что брак (семью) нужно сохранять, если в ней есть дети (29% мужчин и 21% женщин).

Таблица 5

Отношение к разводам населения русской провинции (гендерные группы), %

Варианты ответа	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Да, супруги могут разойтись	53	66	60
Да, могут, если в семье нет маленьких детей	13	9	11
Да, могут, если в семье нет детей	16	12	14
Нет, развод – это недопустимо	7	4	5
Затрудняюсь ответить	11	9	10
Итого	100	100	100

Четкой возрастной дифференциации в установках жителей русской провинции на расторжение брака не выявлено, но внутри самих возрастных групп наблюдается отчетливая гендерная обусловленность установок на развод, особенно ярко проявляющаяся в группах молодежи. Так, если в группе молодых мужчин (16-29 лет) только 44% считает, что супруги, безусловно, могут разойтись, то среди молодых женщин такая установка на развод встречается в полтора раза чаще (65%). Как нам кажется, это связано с усилением трансформации гендерных ролей в обществе, в семье, с тем, что в настоящее время все большее число женщин ориентированы на работу и самостоятельный заработок, материальную и иную независимость от мужчин, индивидуальную свободу. Это является свидетельством разрушения привычного мировоззрения женщин, изменения их моральных и этических установок и норм поведения, в том числе брачного, трансформации семейных ценностей и самого института семьи, приобретения женщиной новых социальных ролей, что проявляется не только в высокоурбанизированной среде, но проникло и в российскую глубинку.

Репродуктивные установки. Очень важным представлялось выяснить репродуктивные установки русского населения провинции, и особенно русской молодежи, в том числе девушек. в анкете был поставлен вопрос, нацеленный на выявление идеальных представлений о числе детей в семье, складывающихся без учета конкретной жизненной ситуации: «Сколько детей лучше всего иметь в семье?». Распределение от-

ветов на данный вопрос выглядело следующим образом. Наиболее распространенной была установка на двух детей, как идеальное число: ее придерживались 45% опрошенных молодых людей. Установка на троих и большее число детей была характерна примерно для четверти респондентов (24%). Одного ребенка в семье в качестве идеального числа назвали только 13% жителей малых городов. Бездетную семью идеальной признали только 3% опрошенных. Причем молодые люди существенно чаще, чем девушки (примерно в полтора раза) голосовали за троих и более детей.

Ориентацию молодых жителей российской провинции на 2-3-детную семью можно назвать позитивной демографической тенденцией, которая требует всестороннего изучения и поддержки, ибо реализация таких репродуктивных установок может обеспечить России выход из демографического тупика, нацелив молодое поколение русских на расширенное демографическое воспроизводство.

Этносоциологическое исследование (2018 г.) позволило выявить и отношение русских женщин малых городов к такому явлению как рождения детей вне брака. Внебрачная рождаемость, наряду с внедрением гражданских (официально незарегистрированных) браков, зачастую рассматривается как распространение альтернативных форм семьи. Совершенно недопустимым это признал примерно каждый девятый (11%) опрошенный, еще около трети респондентов (36%) посчитали это нежелательным, а 43% городских жителей убеждены, что женщина сама может решать свою судьбу (табл. 6). Но в установках на внебрачную рождаемость у русских провинциалов оказались весьма заметными возрастными и гендерными различия. Чем старше русское население провинции, тем выше доля тех, кто в той или иной степени негативно относится к внебрачной рождаемости.

Таблица 6

**Отношение к внебрачной рождаемости населения русской провинции
(гендерные группы), %**

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Это совершенно недопустимо	12	9	11
Это нежелательно	41	31	36
Женщина сама может решать свою судьбу	35	51	43
Затрудняюсь ответить	12	9	10
Итого	100	100	100

Мужчины придерживались более консервативных взглядов на этот вопрос и в их ответах чаще, чем у женщин, звучало в той или иной степени негативное отношение к внебрачной рождаемости. Женщины были настроены более решительно, отстаивая право женщины самой решать свою судьбу. Они в 1,5 раза чаще, нежели мужчины, считали, что женщина может быть свободна в своем решении рожать ребенка, не будучи замужем (51% и 35% соответственно). Молодые женщины 16-29 лет высказывали такое мнение еще чаще – 56% опрошенных. Подобная установка молодых женщин на возможность рождения детей вне брака, как нам представляется,

в значительной степени связана с приобретением современной женщиной большей экономической независимости, самостоятельности.

Жизненные ценности

Этносоциологические исследования, проведенные нами в 2018 г. среди русского населения двух малых российских городов – Белева и Старицы – дали возможность выявить структуру жизненных ценностей современной женщины, узнать, что, по ее мнению, означает сегодня «хорошо жить». Материалы опроса констатировали, что семья, по-прежнему, остается на лидирующих позициях. За нее, как главное условие «хорошей жизни» высказалось $\frac{3}{4}$ опрошенных женщин (75%), причем в приоритете она находится у всех возрастных групп русских женщин – от молодежи 16-29 лет до лиц пожилого возраста (50 и старше) (табл. 7).

Таблица 7

Жизненные ценности женщин русской провинции, %

Варианты ответов	Русские женщины малых городов			
	16-29 лет	30-49 лет	50 и старше	Все женщины
Свобода, независимость	35	19	20	23
Карьера, социальный рост	32	11	5	16
Семья, любовь, дети	74	84	68	75
Интересная работа, занятие любимым делом	50	45	28	41
Материальное благополучие	44	47	39	44
Богатство. Неограниченные материальные возможности	8	3	4	5
Власть, влияние на других людей	6	-	2	3
Здоровье свое и близких	53	62	60	59
Спокойная жизнь без волнений и забот	26	27	16	23
Чистая совесть	31	25	34	30
Авторитет, уважение окружающих	7	9	10	9
Известность, слава	2	1	-	2
Затруднились ответить	5	1	2	3

* Итог не составляет 100%, поскольку респондент мог выбрать несколько вариантов ответов на данный вопрос.

Второе место на шкале жизненных ценностей у русских женщин всех возрастов устойчиво занимает «здоровье, свое и близких» (59%), довольно существенно усту-

пая семье. Третье место в иерархии условий счастливой жизни получило материальное благополучие (44%). Здесь необходимо отметить, что в последующей иерархии компонентов хорошей жизни возрастной фактор начинает играть свою роль: у молодой группы опрошенных женщин (16-29 лет) материальное благополучие заняло лишь 4 место, «пропустив вперед» интересную работу, что совершенно понятно. Молодые женщины зачастую еще не обременены собственными семьями, детьми, или кормильцем семьи выступает муж. Женщины заняты поисками интересного дела, любимого занятия, которому собираются посвятить свою жизнь, при этом, не забывая, что интересное дело должно, кроме прочего, давать материальные средства, «обеспечивать» возможность полноценной жизни. Для остальных возрастных групп опрошенных женщин ценность интересной работы уступает материальному благополучию, занимая 4-5 место в иерархии жизненных ценностей (табл. 7).

Возрастной фактор детерминирует дальнейший выбор жизненных ценностей русских женщин. Так, молодежи важнее такие ценности как «свобода, независимость», «карьера и социальный рост» (5,6 места на шкале жизненных ценностей). Женщинам более зрелого возраста важна «спокойная жизнь без волнений и забот» и такая свойственная менталитету русского человека нравственная категория как «чистая совесть», получившая 25-34% выборов и занявшая четвертое место на шкале жизненных ценностей женщин в возрасте 50 лет и старше. Результаты наших исследований показывают, что для русской провинциальной молодежи в целом, и для молодых женщин, в частности, такое понятие как «чистая совесть» менее значимо, чем для людей более зрелого возраста, и занимает лишь 7-е место в иерархии жизненных ценностей.

Социальное самочувствие, удовлетворенность жизнью

Происходящие в современных постсоветских государствах, в том числе в России, социально-экономические, политические и культурно-языковые преобразования создают новые условия для жизнедеятельности людей, их самореализации, адаптации, во многом изменяя и усложняя решение и достижение поставленных ими перед собой задач и целей. Все эти процессы модернизации общества, успехи и просчеты проводимых реформ отражаются на социальном самочувствии людей. Социальное самочувствие выступает как индикатор, интегральный показатель социальной адаптации, приспособления населения к трансформирующемуся обществу, удовлетворенности человека различными сторонами жизни, как некий результат успешности или неуспешности протекания адаптационных процессов. Социальное самочувствие и социальное настроение являются важными социально-психологическими факторами, в значительной степени определяющими поведение людей.

Та или иная степень удовлетворенности человека условиями своей жизни тесно коррелирует с таким понятием как «социальный оптимизм». в связи с этим несомненный интерес представляет субъективная оценка динамики жизненной ситуации жителями малых российских городов. в анкете, использованной при опросе русского населения малых городов в 2018 г., был поставлен вопрос: «Становится ли Ваша жизнь лучше с течением времени?». Как показали материалы, оценки жизненной ситуации, данные русскими женщинами обоих исследуемых городов, практически совпадают с оценками мужчин. Примерно каждая пятая женщина (18%)

отметила безусловные улучшения в своей жизни. Почти половина опрошенных женщин (48%) назвала как позитивные, так и негативные изменения жизни, и лишь 13% опрошенных дали совершенно негативную оценку переменам, происходящим в их жизни (табл. 8). Прослеживалась четкая возрастная дифференциация негативных оценок жизненной ситуации: чем старше были женщины, тем выше, примерно в полтора раза, была доля пессимистичных оценок

И у женщин, и у мужчин Четко прослеживается зависимость субъективной оценки жизненной ситуации от уровня материальной обеспеченности: чем беднее население, тем выше доля негативных оценок (от 7% у высокообеспеченных жителей русской провинции до 33% у людей с низким уровнем доходов), что подтверждает тезис о том, что повышение уровня материальных доходов населения ведет к усилению стабильности, позитивной настроенности общества.

Таблица 8

Становится ли жизнь лучше с течением времени? (гендерные группы), %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Да	18	19	18
В чем-то лучше, в чем-то хуже	54	48	51
Нет	10	13	12
Затрудняюсь ответить	18	20	19
Итого	100	100	100

Одним из комплексных индикаторов социального самочувствия жителей малых российских городов является их общая удовлетворенность условиями жизни в своем городе. Как показали материалы опроса русского населения малых городов в 2018 г., уровень удовлетворенности жителей условиями жизни в провинциальном городе довольно невысок: только половина (50%) опрошенных городских жителей полностью или в той или иной степени удовлетворена ею. Полученный итоговый индекс социальной удовлетворенности составил +0,26 (при максимально возможной величине равной +2,0).

Многочисленные социологические и психологические исследования, проводившиеся в нашей стране в прошедшие годы, показали, что женщины, независимо от их этнической принадлежности, в целом обнаруживали более высокую степень неудовлетворенности многими сторонами жизни, нежели мужчины, что объясняется традиционно меньшей прихотливостью мужчин. Некоторые исследователи отмечают, что мужчины уделяют большее внимание возможности достижения поставленных целей, наличию эффективного досуга, творческой самореализации, социальному статусу, общению с друзьями, экономическому и политическому положению в стране, в то время как женщинам важнее личная безопасность, материальное положение, семейные отношения, социальная инфраструктура, экология, состояние здоровья.

Полученные в ходе наших исследований в малых городах результаты не дают четких гендерных различий в степени общей удовлетворенности жизнью жителей

русской провинции. Отмеченные несходства очень незначительны и не позволяют говорить о принципиальной разнице общего уровня удовлетворенности жизнью между мужчинами и женщинами. Тем не менее, определенные гендерные различия мы зафиксировали. Остановимся на некоторых моментах гендерной обусловленности феномена удовлетворенности (табл. 9).

Как показывают данные табл. 9, показатели общей удовлетворенности жизнью у мужчин и у женщин близки и составляют +0,29 и +0,22 соответственно. Но при сходстве общих показателей удовлетворенности, гендерные различия наблюдаются при анализе таких факторов как «удовлетворенность материальными условиями жизни», «удовлетворенность работой медицинских учреждений», «удовлетворенность работой транспорта», «удовлетворенность работой полиции», «удовлетворенность материальным положением». Во всех указанных сферах жизни показатели фрустрированности у женщин существенно выше, чем у мужчин. Это отчасти согласуется с данными других исследований, в которых выявлена большая обеспокоенность и неудовлетворенность женщин материальными условиями жизни, вопросами здоровья, социальной инфраструктуры и безопасности.

Как видно из данных табл. 9, наиболее высокими показателями фрустрированности горожан выделяются 6 шкал: «медицинское обслуживание», «сфера досуга», «деятельность городской администрации», «работа полиции», «условия жизни в городе в целом» и «материальное положение». Подобную ситуацию можно объяснить действием как внешних (объективных), так и внутренних (субъективных) факторов.

Таблица 9

Удовлетворенность русского населения малых городов различными сторонами жизни (гендерные группы) (в индексах)

Удовлетворенность различными сторонами жизни	Мужчины	Женщины
Удовлетворенность работой	+0,75	+0,82
Удовлетворенность материальным положением	+0,13	-0,10
Удовлетворенность жилищно-бытовыми условиями	+0,83	+0,68
Удовлетворенность работой медицинских учреждений	-0,41	-0,76
Удовлетворенность работой транспорта	+0,81	+0,50
Удовлетворенность торговлей	+0,78	+0,76
Удовлетворенность работой образовательных учреждений	+0,49	+0,48
Удовлетворенность работой культурно-развлекательных учреждений	-0,21	-0,30
Удовлетворенность работой полиции	-0,17	+0,07
Удовлетворенность деятельностью городской администрации	-0,43	-0,36
Удовлетворенность экологической обстановкой в городе	+0,81	+0,83
Удовлетворенность условиями жизни в городе в целом	+0,11	-0,01
Индекс удовлетворенности в целом	+0,29	+0,22

Индекс рассчитывался по формуле: $(2A+B) - (C+ 2D) + E \cdot 100$, где А – доля респондентов, полностью удовлетворенных той или иной сферой жизни; В – доля респондентов, скорее удовлетворенных; С – доля респондентов, скорее неудовлетворенных; D – доля респондентов, полностью неудовлетворенных; E – доля респондентов, не ответивших на данный вопрос. Возможный разброс индексов – от -2 до +2

Если зона неблагополучия, включающая в себя 6 названных факторов, несколько по-разному вырисовывается в Белеве и Старице, по-разному проявляется у женщин и мужчин, то общим следует признать наличие двух «болевых точек», с самыми низкими значениями удовлетворенности, в число которых попадают такие факторы как «деятельность городской администрации» и «медицинское обслуживание», которое в малых городах находится на очень низком уровне. Причем у женщин первое место по доле негативных оценок заняло медицинское обслуживание (свыше трех четвертей опрошенных женщин дали негативную оценку состоянию медицинского обслуживания в своем городе (табл. 9), а у мужчин – деятельность местной администрации. Женщины более внимательно относятся к состоянию своего здоровья и здоровья членов своей семьи, а потому чаще обращаются к врачам, в том числе и детским.

Хотелось бы подчеркнуть, что удовлетворенность жизнью зависит от взаимодействия и взаимовлияния целого комплекса различных внешних и внутренних составляющих: политических, экономических, социальных, этнокультурных, личностных, эмоциональных и т.п., что свидетельствует о сложности и многоаспектности данного социально-психологического феномена.

Жизненные стратегии

Социальная адаптация к новым, трансформирующимся условиям жизни проходит тем успешнее, чем более адекватным является социально-психологическое самочувствие человека, чем активнее он включается в сложные процессы преобразования жизни, не просто приспосабливаясь к новым условиям, а активно изменяя их. Проведенный в ходе исследования 2018 года в малых городах анализ дифференциации общих оценок русским населением своей жизненной ситуации дает возможность структурировать массивы опрошенных по степени их адаптированности к современной жизни и степени активности или пассивности их жизненных позиций. Среди опрошенных женщин, как, впрочем, и мужчин, лидирующую позицию заняла группа так называемых «адаптантов», т.е. тех, кто добровольно или вынужденно приспособился к новой ситуации, активно преобразуя условия жизни или себя в направлении органичного «вписывания» в новую среду (35%). Среди мужчин приверженцев этого мнения оказалось несколько больше (42%).

Второе место по распространенности у женщин принадлежит «выжидателям» (26%), тем, кто, не предпринимая никаких действий по преобразованию жизни, не делая активных шагов в направлении приспособления к изменившейся ситуации, наблюдает, спокойно, философски воспринимая и плохое, и хорошее, ждет, пока все само собой устроится. У мужчин на втором месте оказалась группа «мобилизаторов», тех, кто еще не адаптировался к изменениям, но намерен приложить для этого все свои силы и возможности (23%) У женщин эта категория опрошенных заняла по доле выборов третье место (17%). «Пессимисты», люди, не надеющиеся на какие-либо позитивные перемены в своей жизни, представлены очень немногочисленной группой,

но и в этом случае гендерные различия весьма заметны: среди мужчин лишь 3% «пессимистов», в то время как среди женщин их втрое больше – 9% (табл. 10).

Таблица 10

Оценка жизненной ситуации (гендерные группы), %

Варианты ответа	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Оба пола
Жизнь интересная, меня полностью устраивает	17	15	16
Жизнь полна трудностей, но я уже к ним приспособился	25	20	22
Жизнь тяжелая, но я приложу все силы, чтобы она стала лучше	23	17	20
Жизнь очень тяжелая, и я вряд ли смогу в ней что-либо изменить	3	9	6
Жизнь полосатая, надо спокойно принимать и плохое, и хорошее, и все устроится само собой	17	26	22
Затрудняюсь ответить	15	13	14
Итого	100	100	100

Кроме структурирования массива русского населения малых городов по типам выбранных ими адаптивных стратегий, мы вычленили активный и пассивный компонент в городской среде. Объединив 1 и 2 группы («адаптанты» и «мобилизаторы») в единый блок, мы получили массив респондентов с активной, созидательной жизненной стратегией, преобразующих себя, свой мир или внешние условия в соответствии с требованиями новой ситуации, т.е. активный компонент. Третья и четвертая группы в совокупности («выжидатели» и «пессимисты») дали массив опрошенных, которым присуща пассивная жизненная стратегия, стратегия сторонних наблюдателей, созерцателей, фаталистов, зачастую даже не верящих в возможность активного преобразования жизни, т.е. пассивный компонент. Это люди, у которых снижено творческое начало, заложенное в человеке, сужен выбор альтернативных, более эффективных жизненных стратегий, направленных на улучшение качества жизни.

Оказалось, что в адаптивном поведении русской провинции активный компонент встречался в два раза чаще, чем пассивный (68% против 32%), что свидетельствует об активной жизненной позиции большинства русского населения. При этом русские мужчины оказались более активны, а женщины – несколько менее, проявляя больше пассивности и безынициативности: соотношение активных и пассивных групп в мужском населении русской провинции составило пропорцию 76:24, в женском – 60:40, что может быть связано с большей долей среди женщин лиц пожилого возраста, менее активных уже в силу возрастных особенностей.

Такой вывод подтверждается сравнением жизненных позиций мужчин и женщин молодых возрастов (16-29 лет). У русской молодежи малых городов активно-созидательная жизненная стратегия характеризует в одинаковой мере и мужское, и женское население. Это свидетельствует об усилении гражданской инициативы женщин, подтверждает высокую активную позицию женской молодежи, много работающей

для достижения поставленных перед собой целей, повышающих свое образование и кругозор, участвующей и в гражданской жизни общества, в различных гражданских инициативах, повседневных практиках: в экологических движениях, в волонтерских начинаниях и проектах, отрядах поисковиков и т.д. Молодые женщины готовы предпринимать активные действия, прикладывать усилия, стремиться к самообразованию и карьере, пытаться заработать приличное состояние и обеспечить более качественное, комфортное проживание себе и своей семье.

Что же в наибольшей мере мешает выработке и реализации активных жизненных позиций у женщин русской провинции? Как оказалось, соотношение активного и пассивного компонентов сильно варьирует в группах с разным имущественным статусом, с разными уровнями материального достатка. У людей высокообеспеченных преобладали «активисты» и соотношение активного и пассивного компонентов составляло пропорцию – 77:23. Среди бедных слоев населения, где женщин существенно больше, доминирующим был пассивный компонент, который в два раза превышал активно-созидательный (35:65). Полученные данные еще раз свидетельствуют о том, что для снижения в стране социального пессимизма, напряженности, повышения инициативы и жизненного оптимизма людей, женщин и мужчин, крайне необходимо существенное повышение уровня их жизни.

Отношение к малой Родине

Несмотря на далеко не блестящее социально-экономическое состояние провинциальных городов, не слишком комфортные бытовые условия, слабое развитие культурно-развлекательной сферы и медицинского обслуживания, недоработки городской администрации и т.п., что вызывало естественный рост недовольства населения местными условиями жизни, большинство жителей исследованных малых городов позитивно относились к своей малой Родине. И женщины в этом отношении занимали лидирующие позиции (табл.11). Во время опроса в Белеве и Старице 53% женщин и 44% мужчин заявили, что безоговорочно любят свой город и гордятся, что живут в нем. Еще 17% женщин и 22% мужчин ответили, что привязаны к своему городу только потому, что здесь родились и провели значительную часть жизни, но жить хотели бы в другом месте. Безразличное и негативное отношение высказали 19% женщин и 24% мужчин. Как видно, доля людей, так или иначе любящих свою малую Родину, оказалась заметно выше доли относящихся к ней безразлично или негативно, в особенности среди женщин.

В то же время полного единодушия в этом вопросе не наблюдалось. Одним из значимых дифференцирующих факторов выступал возрастной. Любовь к своей малой Родине в наибольшей мере была присуща старшему поколению. И среди женщин возрастные различия выступали рельефнее, чем среди мужчин. Так, признались своему городу в безоговорочной любви 70% женщин в возрасте старше 50 лет и 27% 16-29-летних. У мужчин соответственно 61% и 34%.

В немалой мере, на наш взгляд, это было связано с невысокими социально-экономическими позициями женщин в малых городах, что для многих женщин старшего возраста казалось привычным, а для женской молодежи – неприемлемым. И девушки, и их родители, мечтающие об удачном будущем для своих дочерей, не могли не осознавать, что города их проживания при всех своих позитивных качествах (природа, богатое исто-

рическое прошлое, благоприятный психологический климат и т.п.) ущербны в плане наличия и создания социальных лифтов для женской молодежи. Не удивительно, что среди местных девушек оказался самым высоким процент ответивших, что любят свой город, но хотели бы жить в другом (28% против 9% у женщин от 50 лет и старше и 22% у юношей их возрастной группы), а относительная численность потенциальных мигрантов в составе женской части населения была выше, чем в мужской.

Таблица 11

Отношение к своему городу (гендерные и возрастные группы), %

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Любят свой город и гордятся, что в нем живут	34	46	61	27	48	70
Любят свой город, потому что в нем родились, но жить хотели бы в другом	22	24	12	28	17	9
Относятся безразлично	15	17	11	17	13	4
Не любят	10	5	3	11	6	3
Затруднились ответить	16	8	13	17	16	14
Итого	100	100	100	100	100	100

Таблица 12

Представления жителей Белева и Старицы о судьбе их городов (гендерные и возрастные группы), %

Варианты ответов	Мужчины			Женщины		
	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше	16-29 лет	30-49 лет	50 лет и старше
Город возродится, станет процветающим	28	38	40	30	36	47
Все останется по-прежнему еще долгие годы	31	32	24	25	21	20
Город опустеет и перестанет существовать	21	11	23	26	24	14
Другое мнение	3	2	1	1	–	–
Затруднились ответить	17	15	14	18	19	19

Восприятие жителями своего города было тесно связано с их представлениями о его дальнейшей судьбе, которые носили по большей части пессимистичный характер (табл. 12). Доля оптимистов, верящих в то, что их города возродятся и станут процве-

тающими, составила чуть более трети (36%). в то же время большинство придерживалось менее радужных представлений: о том, что здесь еще долгие годы не произойдет никаких улучшений, все останется по-прежнему (26%), или, что их город постепенно опустеет и перестанет существовать (20%). И в этом случае проявилась определенная демографическая дифференциация. Женщины имели более оптимистичные представления о будущем своего города, чем мужчины. С возрастом доля таковых повышалась. Особенно позитивных взглядов придерживались женщины старше 50 лет (соответственно 40% мужчин и 47% женщин этой возрастной категории надеялись на возрождение своих городов). Печальную же судьбу своим городам чаще предрекали представители молодого поколения, как девушки, так и юноши, в руках которых и находится будущее их малой родины, что не может не вызывать сожалений. Многие современные молодые люди предпочитали покинуть свои родные места в поисках лучшей жизненной среды, чем прикладывать серьезные усилия для ее преобразования.

Можно сказать, что любовь к своей малой родине, будучи одним из важнейших составляющих традиционной культуры большинства народов, в том числе русского, остается свойственной многим его представителям. Но под давлением кардинально меняющихся условий жизни медленно, но верно она теряет своих приверженцев. Конечно, пока еще русская провинция весьма далека от новых, все шире распространяющихся в Европе, идей всеобщей глобализации, либерализма, космополитизма, формирования «людей мира и вселенной», живущих там, где им больше нравится, без крепких родственных связей и традиций и т.п. Но в каких-то группах эти идеи находят все больше своих сторонников, особенно среди молодежи. И роль старшего поколения женщин в сохранении чувства привязанности к своему родному краю, заботы о нем, стремлении содействовать его развитию и процветанию остается приоритетной.

Миграционные ориентации

Одной из острейших проблем развития малого города является миграционный отток молодежи, приводящий к еще большей деформации возрастной структуры населения в сторону его постарения, к снижению доли молодых, трудоспособных возрастов и, как следствие, к ускорению депопуляционных процессов. Миграция, массовый отъезд жителей за пределы города, особенно молодежи, в своем большинстве уже не возвращающейся обратно, обезлюдение малых городов создает множество социально-экономических и этнокультурных проблем и воспринимается самими жителями малых городов особенно остро. в связи с этим, интересно проанализировать показатели потенциальной миграции населения, в том числе женщин, которые являются в известной степени прогнозными оценками миграционной ситуации в городах в ближайшей перспективе.

Материалы опроса населения Белева и Старицы выявили очень схожую картину потенциальной миграции: почти каждый третий (27-31%) из опрошенных горожан выразил желание сменить место жительства и переехать из города, в котором живет. Еще 19% респондентов не имеют пока определенного решения относительно переезда. Около половины (47-48%) опрошенных горожан не собирается менять место жительства. Причем наблюдается заметная гендерная и возрастная обусловленность показателей потенциальной миграции. Так, женщины несколько чаще мужчин высказывались за переезд из города. Мужчинам в большей мере была свойственна ста-

бильность и консервативность в этом вопросе: свыше половины (52%) опрошенных мужчин не выразили желания переезжать из своих городов (табл. 13).

Таблица 13

Потенциальная миграция мужчин и женщин, %

Варианты ответов	Русское население малых городов		
	Мужчины	Женщины	Все население
Нет, не хочу уезжать	52	44	47
Да, хотел бы уехать	27	31	29
Трудно сказать, пока нет определенного решения	16	21	19
Нет ответа	5	5	5
Итого	100	100	100

Возрастная дифференциация показателей потенциальной миграции проявилась еще более отчетливо. Чем моложе жители малых городов, тем выше уровень потенциальной миграции. Гендерные различия четко выявляются в группе молодежи и лиц активного трудоспособного возраста: женщины этих возрастов в 1,2-1,5 раза чаще мужчин нацелены на отъезд из города (табл. 14).

Таблица 14

Потенциальная миграция мужчин и женщин разных возрастов, %

Варианты ответов	Русское население малых городов					
	16-29 лет		30-39 лет		50 лет и старше	
	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж
Нет, не хочу уезжать	13	23	47	59	70	76
Да, хотел бы уехать	53	44	32	22	9	13
Трудно сказать, пока нет определенного решения	28	24	21	17	14	6
Нет ответа	6	9	–	2	7	5
Итого	100	100	100	100	100	100

Столь высокие показатели молодежной потенциальной миграции, как мужского, так и женского населения, указывают на будущее неблагополучие, грозящее демографическим опустошением малых русских городов.

Показатели потенциальной миграции женского населения четко коррелируют и с уровнем образования опрошенных, их социально-профессиональным статусом: наибольшая ориентированность на миграцию из малых городов характерна для высококвалифицированных специалистов, людей с высшим образованием, не находящих применения своим профессиональным навыкам, не востребованным в родных городах или не получающих за свой труд заработную плату, соответствующую их профессиональной подготовке и удовлетворяющую их потребности и ожидания.

Стоит обратить особое внимание на женщин 30-49 лет и тех, кому 50 лет и более. в этих возрастных категориях достаточно велика доля стабильных жителей, не желающих уезжать из своего города (47-70%), несмотря на все трудности и высокую степень неудовлетворенности многими сторонами жизни в нем. Это люди, прожившие в своих родных городах почти всю жизнь, считающие их своей Родиной и не представляющие своего существования вне привычных с детства улиц, домов, речных берегов, храмов, монастырей, того природного и этнокультурного ландшафта, что является для них знаковым. И эти настроения следует учитывать тем, кто принимает решения о бесперспективности малых городов, о переселении их жителей в более крупные городские образования.

Социологический опрос русского населения малых городов позволил выявить направленность и мотивацию потенциальной миграции молодых горожанок. Большинство опрошенных выразили желание переехать в свой областной центр – Тулу и Тверь. На втором месте по числу выборов стоит «другой город в пределах своей области», на третьем месте – Москва. Тула, Тверь и, тем более, Москва, эти крупнейшие города, с их высокими жизненными стандартами, материальным уровнем жизни, широкими образовательными возможностями, богатым выбором мест приложения труда и проведения досуга, хорошо известны жителям Белева и Старицы. Многие опрошенные горожанки, члены их семей учатся (учились) и работают в Туле, Твери и Москве, хорошо информированы об условиях жизни в названных городах, что объясняет их стремление переехать туда на постоянное место жительства.

Желание переехать за границы России, в Европу и США, высказало небольшое число молодых русских женщин: в молодежной группе 16-29 лет ориентации на выезд в Европу или США высказывали лишь 4-8% потенциальных мигранток в Белеве и Старице.

Что касается мотивации потенциальной миграции жителей исследованных малых городов, то следует отметить, что абсолютное большинство выборов (более 80%) и среди женщин, и среди мужчин получили три миграционных мотива: низкая заработная плата (29%), безработица (21%) и желание продолжить образование (свое и детей) (11%). Совершенно очевидно, что в наибольшей мере указанная миграционная мотивация характерна для женщин и мужчин, находящихся в трудоспособном возрасте. Узость местного рынка труда, отсутствие достаточного числа рабочих мест, которые могли бы гарантировать работникам интересную, престижную работу или хотя бы достойную зарплату за те виды труда, которые предлагает малый город, вынуждают население таких городов к переезду.

Русская молодежь малых городов, как девушки, так и молодые люди, мотивируя свое желание уехать, особое внимание акцентировала на желание продолжить свое образование. Малые города, в которых проходило наше исследование, могут предоставить молодым людям лишь возможность получения среднего специального образования, по ограниченному кругу профессий. Ни в Белеве, ни в Старице, кроме колледжей, нет ни одного филиала высших учебных заведений, они располагают ограниченными возможностями привлечения на работу молодых специалистов, которые в прежние годы уехали в крупные города, в российскую столицу за получением образования и хотели бы вернуться в родной город.

Подводя итоги, можно сказать, что современные женщины провинциальных городов – это в основной массе социально-активная группа, включенная в общероссийскую жизнь, в экономику и культуру страны. в то же время женщины в зна-

чительной мере остаются верны традиционным жизненным ценностям, в центре которых семья, здоровье и благосостояние близких. Многие взгляды и представления провинциалок неоднозначны, отражая противоречивую и сложную ситуацию, как в малых городах, так и в мире целом. С одной стороны, например, женщины недовольны условиями жизни в своем городе, с другой, большинство их представителей выступают патриотами своей малой Родины, остро переживают за ее будущее.

Гендерные различия, хотя и имеют место, не носят принципиальный характер. Тем не менее, нельзя не отметить такой существенный факт, как пониженный материальный уровень жизни женщин, их большую неудовлетворенность своим материальным положением и при этом слабее выраженные активные жизненные стратегии и протестные ориентации.

Важно также особо подчеркнуть существование значимой возрастной дифференциации, которая во многих случаях выглядит более рельефной, чем гендерная. Молодые женщины заметно отличаются от своих матерей и бабушек большей активностью и рационализмом, более современными взглядами и представлениями, а, по сравнению с провинциальными юношами – большей мобильностью и новационными ориентациями, в том числе в сфере семейно-брачных отношений.

Источники и материалы

Государственный комитет (Тверь) – Государственный комитет по статистике Российской Федерации. База данных показателей муниципальных образований. Тверская область. <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst28/DBInet.cgi>

Государственный комитет (Тула) – Государственный комитет по статистике Российской Федерации. База данных показателей муниципальных образований. Тульская область. <https://www.gks.ru/dbscripts/munst/munst70/DBInet.cgi>

Российский статистический 2020 – Российский статистический ежегодник. 2020. М.: Росстат, 700 с.

Научная литература

Григулевич Н.И. и др. Население малого города Центральной России в XXI веке. Первые результаты комплексного исследования в Белеве и Старице. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2018. № 267, 111 с.

Остапенко Л.В., Субботина И.А. Провинциальный русский город в начале XXI века. М.: Старый сад, 2019, 290 с.

Остапенко Л.В., Старченко Р.А., Субботина И.А. Русская молодежь Москвы. Социально-демографические и этнокультурные характеристики. Полевая этностатистика. М.: Институт этнологии и антропологии Российской академии наук, 2018. 184 с.

Ostapenko, Lyubov V., Irina A. Subbotina

Russian Woman in a Small Town Today: Portrait Details

DOI: 10.33876/2311-0546/2021-4/149-173

The article is based on the scientific project titled: “Population of a Russian Town in the 21st Century” that was carried out in 2017-2019 in the two towns of Central Russia – Belyov (Tula Region) and Staritsa (Tver Region). Ethno-sociological survey of the Russian population in these towns and expert-polls provided an opportunity to analyze the processes

of adaptation of women in modern Russian province to the changing life in the post-Soviet era and depict some aspects of their life today: socio-economic statuses, life values, attitude to marriage, having children, opinions regarding migration, satisfaction with different aspects of living in a town, social well-being, life strategies, attitude to their hometown.

Modern women in provincial towns are predominantly socially active and integrated into all-Russian life, the country's economy, and culture. At the same time, women largely remain loyal to traditional life values, to which family, health, and well-being of family members are the core. Many views and beliefs of provincial women are ambiguous, reflecting a contradictory and difficult situation in small towns and the world nowadays. On the one hand, women are not satisfied with the life in their towns; on the other hand, most of them act as patriots of their homeland and deeply care about its future. The worse the financial situation of women's lives and the greater their dissatisfaction with it are, the weaker their active life strategies and protest moods are manifested. There is a considerable age differentiation of women's ideas and beliefs: young women differ from their mothers and grandmothers in their higher activity and rationalism, greater mobility, and openness to innovations, for example, in the matrimonial sphere.

Keywords: *women, Russian province, socio-economic positions, life values, life satisfaction, attitude to marriage and children, opinions regarding migration, patriotism*

For Citation: Ostapenko, L.V., and I.A. Subbotina, I.A. 2021. Russian Woman in a Small Town Today: Portrait Details. *Herald of Anthropology (Vestnik Antropologii)* 4: 149–173.

Author Info: Ostapenko, Lyubov V. – Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: lost_82@bk.ru

Subbotina, Irina A. – Ph.D. (History), Senior Researcher, Institute of Ethnology and Anthropology Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia). E-mail: irinalsu@yandex.ru

Funding: The research is published as part of the Research Plan of the Institute of Ethnology and Anthropology RAS

References

- Grigulevich, N.I. et al. 2018. Naselenie malogo goroda Central'noi Rossii v XXI veke. Pervye rezul'taty kompleksnogo issledovaniia b Beleve I Starice [Population of Town in Central Russia in the 19th Century. First Results of Comprehensive Study In Belyov and Staritsa]. [Population of Town in Central Russia in the 19th Century. First Results of Comprehensive Study in Belyov and Staritsa]. In *Issledovaniia po prikladnoi i neotlozhnoi etnologii* [Research on applied and urgent ethnology]. Vol. 267, 111 c. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Ostapenko, L.V., and I.A. Subbotina. 2019. *Provintsialnyi russkii gorod v nachale XXI veka*. [Provincial Russian Town at the Beginning of the 21st Century]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.
- Ostapenko, L.V., R.A. Starchenko, and I.A. Subbotina. 2018. Russkaia molodezh' Moskvy (sotsial'no-demograficheskie i etnokul'turnye kharakteristki) [Russian Youth of Moscow (Social-demographic and Ethnocultural Characteristics)]. In *Polevaia etnostatistika* [Field Statistics]. Moscow: Institut etnologii i antropologii Rossiiskoi akademii nauk.